

Затухающий стимул

То обстоятельство, что вязкость экономики согласований не привела к остановке экономического роста, доказывает, что в СССР сохранялись стимулы роста производства. Денежная прибыль была таким стимулом в наименьшей степени. Она хоть и учитывалась в

¹⁴⁰ Сокирко В.В. Экономика 1990-го года: что нас ждет? С.1. // Сборник самиздата В. Прибыловского. 1984 г. Архив Шубина А.В. Ф.3.

¹⁴¹ Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма. // Погружение в трясину. М., 1991. С.30–32.

¹⁴² Там же. С.44–45.

плановых показателях с 1965 г., но минимально сказывалась на жизни хозяйственников и работников. Основные стимулы были другими. Наиболее очевидно было давление высшего руководства страны, выраженное в так называемой плановости. «Планы партии» определялись прежде всего с учетом двух задач — обеспечение внешнеполитической безопасности и поддержание социальной стабильности. Для этого требовалось определенное количество продукции, производство которой предусматривалось планами. Плановые задания представляли собой некоторый минимум, который следовало произвести, и их перевыполнение приветствовалось. Таким образом, плановое хозяйство препятствовало планомерности развития экономики прежде всего в распределении ресурсов, так как нарушение планов поощрялось. Сами планы составлялись на основе консультаций с руководством предприятий¹⁴³ и часто изменялись, корректируясь в ходе многосторонних согласований. В итоге они были компромиссом между теми чиновниками и директорами, которые стремились расширить дело, и теми, кто предпочитал жить поспокойнее.

Механизм «планирования» был основан на распределении стандартных ресурсов и количественном контроле над их потоками. Если производственные показатели были ниже плановых, это могло повлечь санкции в отношении руководителей. Однако планы позволяли осуществлять только количественный контроль, и предприятия быстро подстраивались под показатели, повышение которых предусматривалось планом. Если контролировалось количество единиц продукции, предприятия обращали меньше внимания на качество. Если контролировался вес — предпочтение отдавалось производству массивной продукции. Если речь шла о реализации продукции в рублях — вымывался дешевый ассортимент.

Анализируя читательскую почту весной 1979 г., заместитель главного редактора «Литературной газеты» В. Сырокомский писал: *«Промышленности, — говорится в письмах, — не выгодно выпускать дешевую продукцию, поэтому она исчезла с прилавков магазинов»*¹⁴⁴.

Руководство страны и отраслевых ведомств не оставляло попытки усилить контроль за качеством продукции. Но для этого приходилось вводить множество показателей, которые могли бы это качество описать. В итоге контрольные органы запутывались в гигантском потоке информации о различных показателях, достигнутых тысячами предприятий в производстве миллионов единиц продукции. Страдала также стандартизация — предприятия ориентировались на разные приоритетные показатели (ведь соблюсти сразу все даже не пытались) и выпускали детали, с трудом подходившие к деталям смежников. Качество конечной продукции страдало, но плановые «цифры» при этом выдерживались.

Централизованная система планирования, контроля и стимулирования позволяла поощрять только характерные для индустриализма крупномасштабные стандартизированные технологии. Из положения попытались выйти с помощью амбициозного проекта Центральной автоматизированной системы управления (ЦАСУ), которая должна была учесть все многочисленные плановые параметры. На предприятиях были созданы специальные отделы Проектирования и совершенствования автоматизированной системы управления производством (АСУП), призванные «проводить работы по внедрению новых методов управления производством», «по информационной увязке процедур управления в единый комплекс», совершенствовать документооборот, внедрять «машинные процедуры обработки информации» с помощью ЭВМ¹⁴⁵. Но попытка автоматизировать управление

¹⁴³ Постановление ЦК КПСС. О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР. Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы. М., 1979. С.10–11.

¹⁴⁴ РГАНИ. Ф.5. Оп. 76. Д.213. Л.189.

¹⁴⁵ Положение об отделах завода. Ижевск, 1973. С.288–290.

производством провалилась – вычислительная техника того времени (не только советская) позволяла освоить только часть контрольных показателей, а жизнь коллектива и качественные параметры продукции были гораздо сложнее. Магистраль мировой информационной революции шла в другую сторону – от централизации информационных потоков к их сетевому распределению.

На более ранних стадиях развития индустриального общества, недостатки планирования были терпимы, так как необходимое качество описывалось меньшим количеством показателей. Но по мере развития индустриальной цивилизации стандартизация уже не могла обеспечить потребности как рядовых людей, так и военного ведомства. Но если с потребностями людей в красивой и разнообразной одежде можно было бороться, обличая «стиляг», то необходимость производства уникальной аппаратуры для высокоточного оружия определялась угрозами, которые лежали вне сферы подчинения кремлевского руководства. Впрочем, и битва за моду КПСС проиграла — в 60–70-е гг. жители СССР стали одеваться все менее «строго», что приводило к катастрофическому превышению личных потребностей над возможностями плановой экономики.

Е. Гайдар видит признаки кризиса советской экономики второй половины XX века в том, что «падает уровень плановой дисциплины»¹⁴⁶. Но это свидетельствовало прежде всего о росте гибкости системы, а значит – ее устойчивости. Е. Гайдар утверждает: «Если из экономической системы, в основе которой страх перед режимом, вынуть стержень, она начинает барахлить»¹⁴⁷. Логика, выдающая близость крайнего экономического либерализма и сталинистского взгляда на экономику. Получается, что в 30-е гг. советская экономика не барахлила, работала как часы, а вот со второй половины 50-х гг. – забарахлила. И, «барахля», обеспечила значительный рост уровня жизни советских людей, начало освоения космоса, техническую модернизацию, беспрецедентную программу жилищного строительства и т.д. Если бы российская экономика так же «барахлила» в 90-е гг., к Гайдару и другим либеральным реформаторам у населения было бы гораздо меньше претензий.

Причины кризиса советской экономики крылись не в тоталитарном характере системы, работавшей «без страха, но с упреком», а в общей динамике индустриального общества. К 60-м годам советское общество осуществило индустриальную модернизацию и двинулось дальше. А ведь вся структура централизованного индустриализма была первоначально рассчитана на проведение модернизации.

Прежняя ориентация на крупномасштабные технологии (и, следовательно, на массовое стандартизированное производство) устарела. Система централизованного планирования перестала отвечать требованиям времени, потому что с трудом учитывала качественные показатели. Для технологий нового поколения, предполагающих большую сложность при малом количестве предметов в партии, количественные методы контроля в массовом масштабе в принципе не годились. Уследить за этим процессом «сверху» можно было только в очень ограниченной сфере передовых военных производств. Поэтому научно-технические достижения, которыми славился СССР (космическая техника, например) могли производиться в виде исключения.

Кроме нескольких узких приоритетных направлений планы 70-х гг. уже не могли играть мобилизирующей роли и стали механизмом все той же экономики согласования. Насколько план был согласован – он действовал, но двигать усложнившуюся экономическую среду плановое решето не могло.

И тем не менее экономика развивалась, следовательно сохранялись стимулы к движению.

¹⁴⁶ Гайдар Е.Т. Указ. соч. С.142.

¹⁴⁷ Там же. С.143.

Важным, хотя и второстепенным стимулом рационализации была творческая активность советского среднего слоя – интеллигенции. Армия рационализаторов атаковала чиновничьи кабинеты, а гуманитарная интеллигенция вскрывала «отдельные» недостатки. В свободное от более важных дел время чиновники нисходили до этого сообщества равнодушных и одобряли отдельные предложения. Однако в экономике согласований внедрение предложения «из низов» было делом трудным и медленным. Быстрее двигались инновации в замкнутой системе ВПК, но в силу ее закрытости гражданский сектор получал лишь устаревшие достижения «ящиков».

Может быть, на экономику давили массы потребителей, как полагает Я. Корнаи? Но у них – то было еще меньше рычагов воздействия на предприятия, чем у плановых органов. Государственное предприятие и его руководство не могли обанкротиться, так как они, во-первых, сами как правило были монополистами на своем рынке, а во-вторых, были подстрахованы государством. Казалось бы, руководитель предприятия в этих условиях должен быть лишен стимулов к расширению производства. Однако это не так, ибо руководитель встроен в систему бюрократической иерархии, в которой статус лица зависит от масштабов доверенного ему дела. Таким образом, в бюрократизированной системе сохраняются побудительные мотивы к расширению производства, так как последнее непосредственно связано с карьерой руководителя. **Карьера — ключевой принцип действия бюрократических систем, оказался и движущей пружиной бюрократического рынка.**

Я. Корнаи пишет: «Основным мотивом является тот факт, что руководитель... идентифицирует себя с кругом своих обязанностей. Он убежден, что деятельность вверенного ему подразделения важна, а значит, обосновано его максимальное расширение... С ростом предприятия, учреждения одновременно увеличивается и власть руководителя, его общественный престиж, а одновременно и сознание собственной важности»¹⁴⁸. Объяснение Я. Корнаи недостаточно. А почему, собственно, директор «убежден». Значительная часть чиновников и директоров была настроена консервативно, и не стремилась к рискованным свершениям. Но система была еще в 30-е гг. устроена так, что увязывала «социалистическую» предприимчивость и карьерное продвижение. Дело не только в «сознании собственной важности», но и в прямой связи показателей производства с положением его руководителя в бюрократической иерархии.

Такое стимулирование направляло капиталовложения прежде всего в наиболее легкие с точки зрения реализации и в то же время масштабные — экстенсивные проекты. В результате рационализация производства, которая также требовала средств, но не давала столь же видимой отдачи (особенно карьерной), оказывалась побочным средством экстенсивного роста.

Затраты значительных средств на строительство новых объектов вовсе не означали ускорения их ввода в действие. Экономисты В. Селюнин и Г. Ханин видели причины кризиса в том, что «хозяйственники «зевнули» затухание инвестиционного процесса»⁶⁰. Однако затухания не происходило, средства продолжали поступать. Но в условиях экстенсивной ориентации вложений и «придерживания» ресурсов хозяйственниками массовый масштаб приобрело недоосвоение выделенных фондов. Для этого не хватало техники и трудовых ресурсов. Е. Гайдар пишет: «Модель развития, к которой тяготеет социалистическая система, — создание новых крупных предприятий. Если на них некому работать, вложения оказываются малоэффективными. В 1960-х годах приток рабочей силы в промышленность сократился»¹⁴⁹. Эти процессы подаются как проблемы именно «социализма», хотя речь идет о естественной динамике индустриального общества. Оно

¹⁴⁸ Корнаи Я. Указ. соч. С.211–212.

¹⁴⁹ Гайдар Е.Т. Указ. соч. С.137.

тяготеет к крупным промышленным формам. Сокращение притока рабочей силы – проблема любого зрелого индустриального общества, которое уже не может черпать ее в аграрном секторе своей страны.

При прочих равных условиях сокращение притока рабочей силы может и стимулировать эффективность производства, внедрение новой техники. Однако для этого не только у высших руководителей СССР, но и в толще бюрократии должен быть стимул интенсифицировать производство. Но старые стимулы исчерпались по той же причине, по которой возник дефицит рабочей силы. Индустриальное общество приблизилось к пределам своего развития по прежнему пути.

В 30–60-е гг. система продвигала вверх, стимулировала тех руководителей, которые стремились расширять свое дело – таков был модернизационный советский проект, отождествлявшийся со строительством коммунизма. Та же система по другим ведомственным каналам выдвигала тех, кто стремился заботиться о благоустройстве территории, о нуждах трудящихся, даже о стандартах качества – если их можно легко измерить количественно. Но такая система может нормально работать, если в ней сохраняется целеполагание. И когда эта задача перехода к индустриальному обществу была решена, понадобились новые критерии вертикальной мобильности, новые цели и ориентиры. Их с успехом могла предоставить социалистическая мысль, для которой индустриальная модернизация была лишь предварительным условием для решения собственно социалистических и коммунистических задач. Но за несколько десятилетий, пока вместо социализма строили индустриализм, теоретические модели времен Маркса пылились на полках библиотек и толковались узким кругом посвященных. Официальная идеология была далека от коммунистической тематики преодоления разделения труда, бюрократического господства и самой государственности. У правящего слоя не было понимания новых целей, стоящих перед обществом, его теоретики не знала общества, в котором жили, а после всех потрясений юности ждала покоя. Проектность советского общества была погашена, Брежнев дал бюрократии покой, постепенно остановив тем самым механизм карьерного стимулирования социально-экономического развития. Социально-экономический кризис был спровоцирован как раз той самой политикой стабилизации, которую Брежнев считал своим достижением.